

28 ДЕКАБРЯ 1995 ГОДА ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ
СО ДНЯ ГИБЕЛИ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА

Русская мысль. - Париж. - 1996. -

Анатолий Иванов

5 янв. - с 10.

ЧЕЛОВЕК В СЕРОМ КОСТЮМЕ

Отшумели торжества есенинского юбилея. В те дни, осененные разноцветьем осенней листвы, был открыт в столице музей поэта, воздвигнут памятник на Тверском бульваре. Порадовали и книгоиздатели: к столетию Сергея Есенина увидел свет 1-й том академического собрания сочинений. Пополнилась есениниана также великолепным изданием "Музей Есенина в книге" и жизнеописанием поэта, вышедшим в серии ЖЗЛ.

Чего, пожалуй, не успели, так это подготовить и выпустить основательный свод воспоминаний о Сергее Есенине. Издание, которое вообрало бы в себя как многократно печатавшиеся мемуары друзей и сподвижников поэта, так и материалы малоизвестные и обнаруженные лишь недавно.

Одно из таких словесных изображений Есенина, доселе оставшееся вне поля зрения есенистов, хочется предложить вниманию читателей. Необычность его в том, что оно не относится к жанру мемуаристики, хотя и базируется на живых, личных впечатлениях. Описание балансирует на грани писательского вымысла и реальной действительности. Иными словами, образ поэта вставлен в рамку художественной прозы, как бы увиден глазами литературного героя-парикмахера, человека бесконечно далекого от поэзии и вообще от какого-либо чтения, пуше того — слыхом не слыхавшего такого имени, как Сергей Есенин.

Имеется в виду повесть "Серый костюм" (1929), принадлежащая перу Василия Андреева. К автору мы еще вернемся. Прежде несколько слов о главном герое — "маленьком человеке" эпохи НЭПа, томимом комплексом социальной и культурной неполноценности. Именно этот комплекс заставляет его преобразиться в индивидуума совсем иного склада и пошиба. За порогом своей парикмахерской этот человек выдает себя за... горного инженера. Для чего и форменную фуражку с гербом приобрел, и визитную карточку заказал — убедитесь сами — "Горный инженер Роман Романович Пластунов".

Считая себя неотразимым мужчиной, герой повести всячески пытается завести знакомство с какой-нибудь аванажной интел-

лигентной особой. Увы, ловелас и ухажер из него неважнецкий. Этого мнимого инженера, изъясняющегося на галантерейно-примитивном языке зошенковских персонажей, почему-то тянет рассуждать о высоких материях, о которых он имеет самые приблизительные и диковинные представления. Так, излюбленная его тема — опера, хотя, по правде говоря, в оперном театре ему бывать не доводилось.

Так он и жил до поры до времени. Покуда не появился в его парикмахерской необычайный клиент в шикарном сером костюме. Какая-то непохожесть выделяла его из бесконечной череды обычных посетителей. Что? Трудно сказать. Весь его облик источал, казалось, некую магию. Впрочем, вместо пересказа обратимся лучше к первоисточнику.

«С клиентом в сером костюме был еще человек. Он не брился и не стригся, а сидел и разговаривал с приятелем:

— Ты говоришь — "Заря Востока"? — спросил он, очевидно продолжая прерванный разговор.

Роман Романович подумал: "Заря Востока" — пьеса так называется. Наверно, опера.

И обратился к клиенту, стараясь говорить как можно изысканнее:

— Извиняюсь за нескромный вопрос: в каком театре, понимаете ли нет, идет сейчас "Заря востока"?»

Клиент удивленно приподнял тонкие, слегка срастающиеся брови, и белое лицо его порозовело.

Он хотел что-то ответить, но его приятель сказал громко и отчетливо:

— Конечно, в Большом оперном.

Брея, Роман Романович терялся в догадках, кто его клиент, и ему хотелось узнать это.

Молодое бритое лицо, светлые кудрявые волосы, элегантный костюм — по всему этому Роман Романович заключил, что клиент — артист.

Приятели клиента тоже напоминали актера: толстый, бритый, с помятым лицом; голос громкий и звучный, хотя несколько сиповатый.

"Заграничный артист", — подумал Роман Романович о клиенте, — немец, по всему видно".

Когда посетители ушли, Роман Романович не утерпел и спросил:

— Извиняюсь, понимаете ли нет, вы — русские?

— Кто — я? — спросил клиент, а приятель его сказал:

— У него костюм парижский, шляпа из Лондона, а трость американская, но сам он чистокровный русак, но такой русак, что ай-я-яй! Отдай все, да и мало!

А когда оба они ушли, Роман Романович вышел и, стоя у дверей, на ступеньке, стал смотреть им вслед.

Слегка вздернув голову, легко и пружинисто, словно танцуя, шел человек в сером костюме, отталкиваясь от земли вздрагивающей тростью»

Вся обслуга мастерской принялась обсуждать этого случайно забредшего к ним "артиста", найдя, что он удивительно похож на Романа Романовича — как брат родной. И действительно:

"Такие же золотистые кудрявые волосы, светлые глаза, красивое, почти юношеское лицо.

Вспомнил, что когда брил его, наклонялся над ним, то лицо клиента напоминало что-то далекое и трогательно-дорогое...

Сергей Есенин. Рис. Ю. Анненкова

веча эта тройка парижского фасона становится таким же предметом вожделения, как шинель для гоголевского Акакия Акакиевича. И вот настал день, когда Роман Романович примерил обновку, надел на золотистые кудри фетровую шляпу и, подойдя к зеркалу, обомлел: так поразительно он стал похож на того клиента в сером костюме.

Изменился не только внешне. Какие-то существенные перемены произошли в характере незадачливого героя. Обрел чувство победительности, уверенности в успехе на амурном фронте.

В предвкушении решительного объяснения с дамой сердца Роман Романович как-то августовским вечером зашел в ресторан. В зале было шумно илюдно. Неподалеку пировала теплая компания, в которой он узрел т о г о клиента. Далее по тексту повести:

"Он сидел, глубоко откинувшись на спинку стула.

Лицо его было бледно. Глаза смотрели неподвижно и, казалось, не видели ничего. Растрепанный чуб волос свесился над страдальчески сморщенным лбом.

Вдруг он выпрямился, подался вперед, вскинутая голова вспенила над белым лбом золотистые кудри; морщины исчезли — лицо стало юным.

Он встал, протянул вперед руку и, не опуская ее, заговорил как-то странно, нараспев.

Роман Романович не мог уловить многих слов, они неслись и качались, как волны.

Шум в зале смолк.

А голос становился громче, звончее, слова уже не плыли, а рвались, как рыдания. Высоко простертая рука не плавала в воздухе, а металась, вздрагивала, словно раненая белая птица.

И слова — простые, обыкновенные — их уже ясно слышно — были в то же время необычайными в своем сплетении, в судорожном своем трепете.

Русская мысль. - Париж. - 1996. - 5 янв. - с 11.

Не детство ли?

Пухлые детские губы, лучистые глаза, веселые, золотистые кудри — все это было так дорого, близко, что Роман Романович несколько раз прерывал работу и задумчиво гляделся в лицо клиента".

Эта мимолетная встреча глубоко запала в душу Романа Романовича, что-то перевернула в ней. Возмечтал он отныне переменить обличье, дабы в другой, "теневой" своей жизни выглядеть столь же непринужденно-щегоольски, как тот залетный "артист". Местному пьянчужке-портному заказал он пошить такой же костюм.

Эта идея-фикс — ключевой момент повести, которая так и озаглавлена — "Серый костюм". Для Романа Романовича эта тройка парижского фасона становится таким же предметом вожделения, как шинель для гоголевского Акакия Акакиевича. И вот настал день, когда Роман Романович примерил обновку, надел на золотистые кудри фетровую шляпу и, подойдя к зеркалу, обомлел: так поразительно он стал похож на того клиента в сером костюме.

Они, словно вопли рабеного, сжимали сердце и вместе с тем чаровали, как прекрасная музыка".

Прервем цитирование. Существует ли, право, лучшее описание — более одухотворенное, экспрессивное, пластичное — есенинского исполнения стихов, нежели это? Примечательно, что оно подано как бы поверх смыслового наполнения стиха, через чисто зрительные образы и звуковые модуляции. Здесь все — высокий порыв, озарение, чистота и тут же стихийность, безудержность, надрыв — воспринято, угадано на каком-то доречевом, что ли, уровне.

"Взметнулся последний крик и замер. Опустилась измученная белая птица.

Отовсюду, из всех углов, от всех столиков посыпались хлопки и долго дрожали под лепным потолком.

Пьяный голос прокричал несколько раз:

— Браво. Бис.

.....

Т о т был пьян.

Вскакивал с места, натываясь на стулья, на столики, стремительно подходил к музыкантам, держа в одной руке бутылку, в другой стакан.

Потом плакал. Целовался с толстомордым, бритоголовым (с ним вместе он был тогда в парикмахерской — Роман Романович узнал толстого) и с другим: невысокого роста, черным, с лицом мальчика, но с глазами пожилого человека.

Толстого он называл дядей Сашей, черного мальчика — Вольфом.

Потом они стали подниматься из-за стола. Задвигались в узких проходах между столиками к выходу.

Т о т пошел тоже, но вернулся к столу и снова сел. Его товарищи, ожидая, остановились у выхода.

А он, наклонясь над столом, водил по нему полусогнутой рукою, точно широко и медленно выписывал что-то по всему столу.

А когда отошел от стола — Роман Романович, сам не зная для чего, двинулся ему навстречу и пробормотал:

— Извиняюсь, гражданин.

На Роман Романовича в упор глянули синие холодные глаза, а над ними раскинулись, как крылья ласточки, сдвинутые срастающиеся брови.

— Я, а не ты, — протянул пьяный, ломкий голос. — Понял? только — я.

— Что-с? — прошептал, сильно смутившись, Роман Романович.

Брови — ласточкины крылья, вздрогнули над ледяными глазами. Пышно-волосая голова вскинулась гордо.

— До-ро-гу! — стеклом прозвонел голос.

Роман Романович посторонился. Приподнял шляпу. Простоял, ошеломленный, несколько мгновений.

Затем шагнул к столу, за которым недавно сидел т о т.

На столе лежал разрезанный гранат.

И на белой, как снег, скатерти, крупно, почти во весь стол — имя и фамилия из тщательно уложенных зерен граната, красных и мокрых, словно капли густой крови".

Москва

Окончание следует